ЦИКЛ «ДВОЕДУШНИКИ»

ДВОЕДУШНИК

ДВОЕДУШНИЦА

ГОРОД МЕРТВЫХ ДУШ

Саша Степанова

Двоедушник

ЧЕРНЫМ БЕЛО

Яндекс Книги

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Иллюстрация на переплете *Елены Колодий (йен)*

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Степанова, Саша.
С79 Двоедушники / Саша Степанова. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-206689-4

Город поделен надвое: есть сторона, которую видят все, а есть «изнанка» — мир мертвых домов, в который могут попасть только неживые и двоедушники.

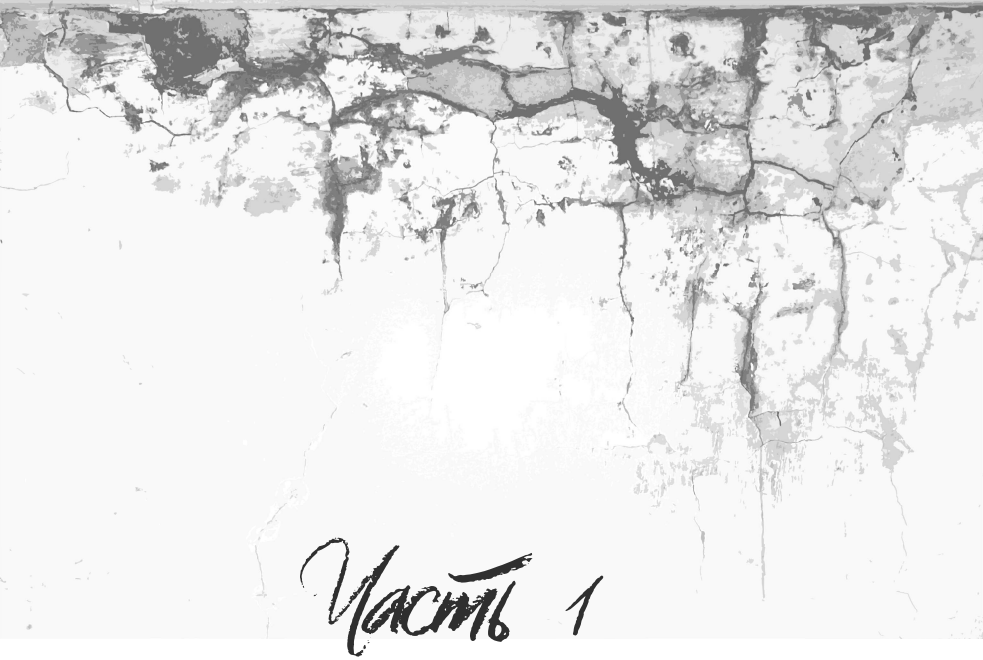
Бездомный парень Антон утверждает, что у него две души, а еще он прикладывает все усилия, чтобы найти пропавших девушек. Вот только можно ли здесь кому-то помочь?

Ника в этом не уверена: ее дом, семью и друзей крадет другая. Теперь она называет себя Никой и делает все, чтобы никто не заметил подмены. Но кто-то еще помнит настоящую Нику и надеется ее вернуть. От его усилий зависит не только жизнь Ники — но и жизнь всего города.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова С., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206689-4



ЛИЦО ГОРОДА

Антон

Я вижу его сидящим на обломках лестницы. Заброс красив: купеческий дом, переделанный в дэка, насколько я могу судить по лепнине, форме окон и остаткам афиш на стенах. Потолок в центре зала рухнул — на перекрытиях сажа, через дыру в крыше внутрь попадает вода. Раньше мне нравилось гуглить здания, в которых он бывает, и находить истории тех, кого он убил, — мог бы получиться блог про городские легенды. Но я так и не продвинулся в этом направлении, да и кому вообще это интересно.

Он сидит, прислонившись к стене, на коленях — сложенная кольцами цепь. Любимый способ: считает, что это красиво. Время от времени я с ним согласен. Снизу ни шороха, но он слышит лучше меня — поднимается, кладет руку на перила и бесшумно спрыгивает на два пролета вниз.

По привычке представляю возможный заголовок для блога: «Таинственная и невероятная история смерти бездомных в бывшем доме культуры». Эти ребята одеты в рваные телогрейки, на руках и лицах корка грязи: должно быть, угорели тут, греясь у костерка. Один тащит кусок арматуры, у второго ржавый ножик. Против него — настолько

нелепо, что хочется отвернуться. Жаль только, что у меня нет выбора. Я смотрю, как он раскручивает цепь, как сбивает с ног первого бродягу, пока второй растерянно топчется на месте; как бьет первого коленом в живот, рывком освобождает цепь и затягивает у него на шее — второй выкидывает руку с ножом. За всей этой возней в темноте заброса я пропускаю момент, когда оба оказываются на земле, связанные цепью. Он же подходит к оконному проему, чтобы я мог лучше его видеть, и машет мне. Из глубоко рассеченной ладони по запястью сбегают темные струйки.

«Твою мать, — думаю я, — мог бы обойтись и без этого, мать твою», — и начинаю отсчет. Десять, двадцать, тридцать секунд, давай, проводи свой чертов ритуал и вали оттуда. Сорок, пятьдесят, минута. Полторы. Две...

Все.

Я открываю глаза. Одеяло пропиталось кровью. С размаху бьюсь затылком о второй ярус кровати — никак не привыкну к тому, что он здесь есть, — на ощупь хватаю полотенце — кажется, чужое, — и наматываю на руку, стараясь не смотреть. Наконец забегаю в ванную, хлопаю дверью перед носом Коляна из соседней комнаты, отбрасываю полотенце и сую ладонь под ледяную воду. На стиральной машине должны быть сигареты. Тащу одну из пачки зубами, нахожу зажигалку. Пальцы не слушаются. Спокойно, дыши. Спокойно.

В дверь то и дело стучат жильцы хостела, я помалкиваю и не выключаю воду, чтобы они ушли. Сигарета заканчивается. Беру вторую. Машинально думаю о том, что кровь во мне тоже скоро закончится.

— Тош, Тоша! Опять? Опять, да?

Продолжая держать под струей воды раненую руку, я тянусь к щеколде.

Ты врываешься в ванную и впускаешь свежий воздух оттуда, со светлой стороны мира. Тянешь, глядя в раковину:

— Во-оу, — и запираешь дверь.

В коридоре гремит мат соседей.

— Дай сюда. Гадость...

Ты вынимаешь из моих пальцев недокуренную сигарету и гасишь ее в крови на дне раковины. Затем берешь меня за руку. Ничего не чувствую, как под анестезией.

— Боль-хвороба из чужого короба...

Интересно, снаружи это слышно?

Пробивающийся свет очерчивает твой бритый висок, скулу и кончик носа. Холод понемногу отступает. Ты шепчешь и касаешься моей ладони. Я закрываю глаза — наслаждаюсь украдкой, как вор. Знаю, что нельзя, но до той грани, за которой я не смогу остановиться, еще далеко.

Ты держишь меня за руку, ничего больше.

— Передай Игни, что я убью его, если он снова так сделает.

— Он уже мертвый, — шепчу я в ответ.

— Неважно.

Наши голоса в полутьме, ты льешь воду на мою ладонь, вот и чертова грань.

— Хватит, — говорю я хрипло. Ты отдергиваешь руку.

Это «хватит» натягивается между нами колючей проволокой.

— Иди на кухню. Завтракать пора. — К счастью, теперь ты говоришь обычным голосом.

Мы вываливаемся в коридор вместе с табачным дымом — я со своей исцеленной рукой и ты со мной в обнимку. К счастью, нас никто не видит.

— Переоденусь только, — говоришь ты на пути к своей комнате. Сейчас наденешь широкие штаны

и растянутую водолазку с длинными, как у смирительной рубашки, рукавами. Не потому, что тебе нравится так выглядеть, а ради меня.

Я тоже двигаю к себе — чтобы обуться. Потом иду в кухню. С водолазкой угадал, правда, вместо штанов — джинсы с кучей карманов.

Ты готовишь, я терпеливо жду.

— Деньги закончились, бро. Скоро и этот клоповник не потянем.

Ненавижу «бро» от тебя, но вынужден терпеть.

— Может, дернем в центр? — предлагаешь ты. — Я подработаю. Продержимся, пока не найдешь заказы.

В твоем голосе сквозит лютая тоска по жизни.

— Давай, — говорю. — Мне все равно куда.

Разглядываю ладонь: даже шрама не осталось. Ты ставишь передо мной тарелку с яичницей и отворачиваешься, чтобы вымыть сковороду. Я замечаю бледную полоску кожи между водолазкой и джинсами.

Снова хочется курить. Пахнет растворимым кофе, чужой вчерашней едой и тряпкой, которой протирали стол.

Покончив с мытьем посуды, ты садишься напротив со своей тарелкой.

— Испугался?

Вилка в моей руке мелко подрагивает.

— Да, но лучше меня, чем кого-то еще.

— В любом случае так себе история.

Солнце щедро заливает замызганные стекла. Каждый волосок на твоей голове кажется алым. У тебя очень тонкие пальцы — наверное, у всех скрипачей такие. Я смотрю и пытаюсь запомнить цвета: самому так не придумать. Правда, красок у меня нет уже давно, только простой карандаш. Но я все равно смотрю и запоминаю.

— Когда поедем в город?

И я решаюсь.

— Собирайся.

Ты вылетаешь из кухни, а я ополаскиваю тарелку и достаю из кармана сигареты. Выхожу под козырек подъезда и думаю: город. Сначала вокзал, потом электричка. Таскаться с сумками по незнакомым улицам. Пытаться пролезть через заколоченные окна и, может быть, убегать от охраны. Мы часто живем в забросах, пока не подкопим на хостел.

Выдыхаю вверх. Дым повисает над головой огромным вопросительным знаком.

Я мечтал, что вырасту и буду придумывать новые дома, а сам ночую в старых.

Высоковское кладбище

(улица Овражная, 58)

Стимпанк-костюм выглядел мило, но не грел. Ветер мгновенно пробрал насквозь и тюлевую юбку, и корсет под курткой. Ника в шутку опустила на лицо гогглы, покрутила головой, но ничего не увидела и снова сдвинула их на лоб. Впрочем, Ксюша все равно на нее не смотрела и продолжала улыбаться этой странной блуждающей улыбкой, которая то ли есть, то ли нет.

— Где же они? — спросила Ника, кутаясь в куртку. За стеклянными дверями перекатывалась музыка. Разноцветные лучи шарили по осеннему небу, но здесь, на узкой полосе дороги между рекой и лесом, они ничего не освещали.

— Сейчас приедут. — Ксюша отвечала не сразу, как будто слова доходили до нее с запозданием. — Когда мы уходили, Коваленко уже одевался.

В темноте плескалась по бетонным плитам невидимая река. Прямо напротив — отвесный склон с заброшенным мукомольным заводом и элеватором. Недавно оттуда, с высоты, сбросились подростки, и Ника не могла перестать об этом думать. Не самый удачный выбор места для ночного клуба, однако попасть сюда было сложно: билеты мгновенно разлетались. Повезло, что одним из владельцев оказался парень с параллельного потока. Ника ждала чего-то поскромнее, особенно когда узнала, что клуб открылся в отреставрированном здании бывшего вокзала. Оказалось настолько дорого, что за весь вечер они с Ксюшей выпили только колы, а теперь бесплатно мерзли на улице.

— Что случилось?

— А?.. — В темноте карие Ксюшины глаза с макияжем «смоки» казались черными.

— Ты не здесь.

— Нет, я... здесь. — Наконец она улыбнулась в открытую. — Расскажу завтра, я пока не понимаю, насколько это важно.

— Ты с кем-то познакомилась?

— Не совсем. Давай потом поговорим.

Рядом притормозил гремящий от музыки «логан». Ника потерла висок — она устала от громких звуков, — но ехать было недалеко. Внутри уже сидели трое. Как только Ника с Ксюшей втиснулись на заднее сиденье, машина дернулась и рванула по набережной навстречу моргающим желтым светофорам. Вместо того чтобы убавить громкость, парни кричали. Ксюша пыталась поддержать разговор, Ника же плохо знала эту компанию и отмалчивалась.

— ...На дискотеке первого сентября, и в тот же день... Я ее помню, она ко мне подкатывала, а я сказал, типа, не в моем вкусе.

— Черт! — прокричала Ксюша. — Значит, она сразу после той дискотеки!..

— Да, ее больше не видели, — отчетливо произнес кто-то еще. Трек сменился, и фраза повисла в тишине. Нике стало неуютно: в костюмах для вечеринки все, включая ее, не были похожи на самих себя.

«Вера, — представила она голос мамы, — Вера, ты скоро домой?» Мама единственная из всех упорно называла ее Верой, и этого было не изменить.

— Короче, я читал, что все пропавшие девчонки бывали в этом клубе! — проорал Коваленко — готично взъерошенный, бледный, с подведенными глазами.

— Нелидов маньяк, точно!

Под общий хохот свернули на Высоковский проезд — узкую дорогу через промзону. За автосервисами начиналось старое кладбище. Едва заметная с дороги, из-за ограды таращилась пустыми глазницами полуразрушенная часовня. Не доехав до кладбища десятка метров, машина остановилась.

— Ну что, девчонки, за вином?

Ника по-прежнему молчала и смотрела, как Ксюшины пальцы теребят ткань юбки.

— Нет, мы домой.

— Окей, значит, без вина. У Санька водка есть, и хата свободна.

— В смысле? — тонким голосом спросила Ксюша и засмеялась.

— Короче, едем к Саньку, — сказал Коваленко. — Твоих нет?

— Мать до пяти на смене.

Ксюша перестала комкать юбку, взвизгнула и толкнула Нику локтем, отбиваясь от Санька. Ника подергала дверь за ручку: заблокирована.

— Открой, — сказала она тихо. Коваленко повернулся к ней с водительского кресла, и Ника повторила, глядя в его пустые глаза: — Открой. Мы выйдем.

Некоторое время они молча друг друга рассматривали. Коваленко первым отвел взгляд.

Едва оказавшись на улице, Ника рывком выдернула за собой подругу. «Логан», вильнув, набрал скорость и скрылся.

— Вот дерьмо, — сказала Ксюша. — Он же всегда нормальный был.

— Он под чем-то. Ты его глаза видела?

— Зато за рулем. Надеюсь, его тормознут...

Дальше пришлось идти вдоль кладбищенской ограды. Ветер трепал юбки, пахло влажной листвой и дождем. Ни людей, ни машин. Единственным, что они слышали, был стук их каблуков.

— Свет. — В ответ на вопросительный взгляд Ники Ксюша кивнула на кладбище. — В часовне. Она же заброшенная...

— Бездомные, наверное. — Ника прибавила шагу, но ушли недалеко — теперь уже она остановилась, всматриваясь в темноту кладбища.

— Что?

— Ксюш, послушай. Там плачет кто-то.

За решеткой ограды тьма казалась гуще и окончательней, чем здесь, на пустой улице, освещенной редкими фонарями.

— Кошка, — сказала Ксюша.

Ника помотала головой.

— Младенец, — и посмотрела на кладбищенские ворота.

— Ник, пойдем домой. В часовне кто-то есть, они услышат и выйдут.

— А если нет? — Ника уже шла к воротам. — Не хочу узнать об этом из новостей.

— Я тоже, — быстро согласилась Ксюша и догнала ее. — Но так обычно начинаются фильмы ужасов.

— Ужас не в том, что это кладбище, а в том, что там бросили ребенка...

Нике вдруг вспомнился полузабытый тревожный вопрос из детства. Его задавали родители, задавали врачи. Каждое слово пропахло лекарствами и поблескивало эмалью, словно больничный кафель: *«Так что на самом деле было в тех снах?..»*

И хотя кладбище никогда ей не снилось, именно оно напомнило о детских кошмарах. Ника тряхнула головой, возвращаясь к себе взрослой. Плач становился громче — нет, это точно была не кошка.

Фонарики смартфонов очертили рубленые силуэты памятников и кресты. Жирная почва остро пахла и расползалась под ногами. Младенец захлебывался ревом совсем близко. Ника замерла, пошарила лучом фонарика по надгробиям. На земле что-то белело.

— Нашла! — крикнула она и склонилась над кучей тряпья, готовая снять куртку, чтобы завернуть в нее малыша. — Нет. Странно, я точно слышала...

Ксюша коротко вскрикнула, зашуршали листья — и все стихло. Ника посветила вокруг: никого. Поискала еще — между оградами мелькнула и скрылась пышная юбка.

— Ксюш! — позвала она и наугад пошла к часовне.

Внутри и правда развели огонь. Ника замерла возле обрушенной паперти и прислушалась. Если подруга решила пошутить, то неудачно и не вовремя, да и шутка была не в ее духе... Неподалеку хрустнула ветка, но света не хватало, чтобы что-нибудь разглядеть. Звук повторился ближе, еще ближе.

— Ксюш, ну хватит, не смешно!..